

Максимилиан
Неаполитанский

СУДЬБЫ ПЕРЕПУТЬЯ

Максимилиан Неаполитанский

**Судьбы перепутья. Роман
в шести частях с эпилогом**

«Издательские решения»

Неаполитанский М.

Судьбы перепутья. Роман в шести частях с эпилогом /
М. Неаполитанский — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-933600-2

Молодой петербуржец неожиданно узнаёт, что он упомянут в завещании почти незнакомого человека. Но вместе с ним в списке наследников оказываются весьма подозрительные личности... Хотя этот роман и начинается в традициях остросюжетной литературы, проницательный читатель скоро увидит за перипетиями психологически напряжённого, почти детективного сюжета изложенную напоминающим о классике языком историю становления личности, вынужденной избрать верную дорогу на перепутье судьбы.

ISBN 978-5-44-933600-2

© Неаполитанский М.
© Издательские решения

Содержание

Предисловие	6
Часть первая.	7
I	7
II	9
III	13
IV	16
V	18
VI	21
VII	24
VIII	26
Часть вторая.	30
I	30
II	33
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Судьбы перепутья

Роман в шести частях с эпилогом

Максимилиан Неаполитанский

*И пусть ложной назовется у нас всякая истина, у которой не было
смеха!*

Ф. Ницше

Редактор Роман Сафин

Корректор Михаил Вязов

© Максимилиан Неаполитанский, 2018

ISBN 978-5-4493-3600-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предисловие

Перепутья судьбы – это врата в неизвестное, которые встречаются в жизни каждого человека. И когда человек оказывается на таком перепутье, перед ним встаёт выбор – по какой дороге двигаться, идти дальше или вернуться.

Одни выбирают путь, который кажется им верным, но потом разочаровываются в нём, другие же, наоборот, невольно идут туда, куда им идти не хотелось бы, но потом понимают, что это была дорога к счастью. Всякий выбор может вывести на путь страдания или гармонии. Часто он наполнен новыми впечатлениями, переменами, изменениями, и человек радуется, что выбрал именно этот путь.

Когда людям кажется, что то или иное событие обязательно должно было произойти, они забывают или по каким-то причинам не знают, что до этого у них был выбор. Когда уже всё случилось, люди торжественно или, напротив, с горестью говорят: «Это судьба».

Однако судьба является последствием выбора, сделанного на одном из её перепутья. Сам выбор, влекущий длительные последствия и тянущий за собой целую вереницу событий, занимает несколько секунд или минут, а что происходит после – уже целая история. И этот выбор соткан из соблазнов и иллюзий свободы, из надежд и разочарований. В нём проявляются решительность, порывистость и игра, беспечность и ответственность, мудрость и незнание...

Но как же люди оказываются у этого перепутья и что их подталкивает к определённому выбору? Может быть, это влияние со стороны, случай, рок или действие человеческой воли? Почему же одни останавливаются на перепутье, другие теряют себя в погоне за фантомами прошлого, а некоторые погружаются в повседневные заботы и довольствуются спокойным течением жизни?

Но есть те, кто смело устремляется в неизведанное, в новое. Для них жизнь становится территорией чуда и вдохновения...

Часть первая. Юноша из другого круга

I

Сияло утреннее весеннее солнце, обещая, что весь день будет ясным, так как нигде на небе не было ни единого серого облака. Лучи солнца блестели по крышам, попадали в окна и будили желающих выпастся в выходной день жителей. Улицы центральной части города были слишком пустынными для такого часа, по ним шли, жмурясь, немногочисленные прохожие, и было совсем непонятно, рады они ясному дню или нет. Но молодой человек чуть выше среднего роста, с тёмно-кариыми глазами и почти такого же цвета волосами, был точно рад такому редкому явлению, так как солнце ассоциировалось у него с самыми приятными воспоминаниями.

Однако именно сейчас он думал не о нём, а вот о чём: «Гений, гений, гений... – звучало у него в голове, – кто же это? Совсем, совсем мне не ясно. Что это за условия такие, в которых приобретается гениальность? Странно, странно: нет ответа. Если я живу в достатке, с удобствами, могу ли я стать гением? Нет, понятие это субъективное, здесь метафизики часть, нужно всё обдумать, записать. И что, если эта „гениальность“ приобретается лишь после жизненных потрясений, которые смело и стойко перенёс человек. Но вот мы опять возвращаемся к Марку Аврелию... Глупости! Опять к мыслям тем же возвращаюсь. А может быть, гениальность человека с ним с рождения? И потому стать гением потом уже совсем невозможно. Нет и нет: теория эта опять совсем не то. Что же тогда „то“? Вряд ли все нам известные гении уже родились такими. Это всё воля случая, пожалуй, и, разумеется, какая-то направленность личности на определённую цель...» – таких мыслей был полон этот молодой человек, уже заканчивая свою утреннюю прогулку по городу и идя по Садовой улице к своему дому.

Обычно во время таких прогулок у него было одно из двух состояний: или мыслительное, или наблюдательное. Когда, как сейчас, он пребывал в мыслительном состоянии, он был совершенно погружён в свои думы, обособлялся от окружающего мира и совсем никого не замечал, взгляд его был рассеян и смотрел перед собой. Наблюдательность же, напротив, была состоянием, когда взгляд его становился строгим, устремлённым на поиски зрительного наслаждения. И наслаждение это он пытался найти во всём: от прохожих до величественных петербургских зданий.

Мыслительное состояние молодого человека закончилось на проблемах гениальности, так как он снова не нашёл их решения, хотя они его уже давно мучили. Но в состояние наблюдательности он тоже не перешёл, а погрузился в какие-то ещё неизвестные ему самому, новые чувства. И так, в таком состоянии, он дошёл до самого своего дома, который находился между набережной реки Фонтанки и Садовой улицей.

Уже около входа во двор, который представлял собой широкий колодец, где даже росли тополя, его неожиданно окликнул достаточно высокий мужской голос, который будто бы прозвучал эхом и куда-то пропал. Он обернулся и увидел человека маленького роста в тёплом зимнем пальто, которое явно было ему велико. Лицо маленького человека было в непонятном напряжении: губы и брови его немного дрожали, будто бы он сейчас же был готов залиться громким беспричинным хохотом. Мелкие черты дрожавшего лица имели серый оттенок, и на фоне этого оттенка ярко блестели большие лазурно-голубые глаза, так не подходившие ко всему остальному облику этого человека.

– Вы ведь Арсений Сатукеев? – спросил маленький человек. Губы и брови его, по-прежнему напряжённые, создавали неприятное ощущение надменности при каждом слове.

– Да, да, это я, – растерянно сказал Сатукеев, которого неприятно удивила подобная встреча, а также то, что спрашивающий знает его имя.

– Я-то хотел вам сообщить, – очень быстро произнёс маленький человек, не заметивший неприязни, с которой говорил его визави, в этот же момент напряжённость сошла с его лица, будто смех был подавлен, и он ещё быстрее продолжил: – Профессор-то ваш, Андрей Андреевич, скончался. Занятий некоторых не будет, отдыхаем, можно сказать. Я-то Пешкинский, вместе с вами учусь; только курсом старше и на другом факультете, вот вы меня и не rozpoзнали. Будем друзьями. Андрей Андреевич у нас тоже преподавал, о вас-то много рассказывал, говорил, что вы человек прогрессивный, «новой правильности», так сказать.

Он взглянул на Арсения, ожидая его ответа на переданные лестные слова профессора, но вместо этого Сатукеев спросил:

– А почему не позвонили или не написали, так же легче? – его неприязнь к собеседнику почти ушла, он переменился, но всё ещё не принимал во внимание и не осознавал новость о кончине профессора.

– Да это идеологии противоречит, так сказать. Всё долго рассказывать. Но и ещё лично познакомиться хотел и, когда меня попросили некоторым студентам о новости этой рассказать, решил вот так к вам сразу и прийти. Узнал я недавно о кончине; говорят, он в субботу «отчалил», а отчего – кажется, никому не ясно. Профессор-то достойный был, можно сказать, даже самый лучший в университете нашем. Да что там в университете – в городе во всём, в стране даже! – он одушевлялся всё сильнее, и лицо его снова задрожало, напряглось, а большие голубые глаза заблестели ярче. Сатукееву он снова показался весьма неприятным, и к тому же ещё где-то в его подсознании, в глубине самой, начало появляться ощущение чего-то крайне нехорошего.

– Меня Демьян зовут, – продолжал Пешкинский немного спокойнее, – отчество говорить не буду, а то официально слишком всё выйдет. А о вас-то много знаю: и отчество, и что живёте здесь. Ну да ладно, это уже, так сказать, лишнее, – он снова остановил свою быструю речь и исподлобья взглянул на Сатукеева. Арсений заметил, как часто этот маленький, быстро и непонятно говорящий человечек использует в своей речи частицу «то», от чего речь его кажется ещё более нескладной. Ощущение после первой встречи с ним у Сатукеева оставалось неприятным, и когда Пешкинский снова остановился, ожидая ответа, он промолчал.

Этой странной паузы маленький человек в своём гигантском, поглощающем его пальто не заметил и стал преспокойно прощаться, что немало порадовало Сатукеева.

– До свидания, Арсений Фёдорович. Ещё, думаю, увидимся. Мне уходить надо. А профессора-то жаль, – и, не дождавшись ответа, он резко развернулся и быстрыми частыми шагами пошёл по направлению к набережной.

Три минуты стоял Сатукеев в странном поражённом состоянии. И новость, и встреча с Пешкинским – странным знакомым, который так много знает о нём и который неожиданно появился и неожиданно исчез – неприятно удивили его. За три минуты ошолбенения в его голове пролетело немало мыслей, многие из которых были весьма неприятны ему и представляли собой как и серьёзные вещи, так и совершенно странные каламбуры. Но такое состояние прошло; он очнулся, достал ключ, вошёл во двор. Когда он открывал дверь парадной, что-то будто сверху нашло на него, и он произнёс вслух:

– Профессор-то мой, Андрей Андреевич, скончался.

II

После встречи с Сатукеевым Пешкинский отправился в один из своих любимых ресторанов на обед. Несмотря на то, что денег у него было мало, на то, что он должен был нанимать жильё и платить за университет, он всё равно время от времени трапезничал в дорогих заведениях, размышляя о своих идеалах. Ему казалось, что это даёт ему некий статус человека, который, не имея больших средств, обладает вкусом к хорошей жизни. Иллюзии его распространялись, как ни странно, исключительно на еду, к остальному же, что могло бы подразумевать под собой хороший вкус, он был безразличен, и безразличен в той степени, которая делает человека неопрятным, неаккуратным и даже немного диким.

Хорошие рестораны его не спасали, он всё равно оставался таким же, каким был в детстве – привыкшим к неаккуратности в одежде и к беспорядку в доме. И сейчас, как обычно, одетый в широкую, неподходящую его размеру одежду, – в гигантское утеплённое клетчатое пальто, так удивившее недавно Сатукеева, в свободно висящие тёмно-синие поношенные штаны (немного порванные внизу по неясным причинам) и в старую обувь – он быстрой походкой зашёл в большой зал ресторана с многочисленными маленькими столиками.

В зале все стены были выкрашены в белый цвет. На некоторых из них висели небольшие картины, изображавшие однотонные пятна и линии, а по углам стояли красные статуи античных персонажей, и благодаря широким окнам, дававшим много света, всё это будто бы сияло. Между тем из окон виднелась оживлённая улица с почти бегущими, спасающимися от пыльного ветра прохожими, и это создавало странный эффект, совсем не совпадая со спокойствием, царившим в ресторане, особенно, когда в нём, как сейчас, было мало посетителей.

Пешкинский сел за один из маленьких столов, рассчитанных на двоих. Он уже, надо сказать, совсем привык и к маленьким, весьма неудобным этим столикам, и ко всей остальной обстановке в этом заведении, и почти ни на что не обращал внимания, хотя, когда попал сюда в первый раз, долго всё рассматривал и удивлялся. Затем сразу, не глядя в меню, он заказал себе плотный обед, состоявший из четырёх блюд и напитка.

Он собирался поесть в одиночестве, но, когда заказ принесли, в дверях зала показался его знакомый, одетый очень изящно, в подходящую для весенней погоды одежду. На нём был расстёгнутый укороченный плащ, под которым виднелась серая жилетка, белая рубашка и коричневый галстук в полоску, а также, под цвет плаща, классические, но не очень строгие брюки, которые едва касались лакированных чёрных ботинок. Волосы у него почему-то были влажные, словно он попал под сильный дождь, но всё остальное было сухо. Он быстрой походкой, сразу заметив небезызвестное для него лицо, подошёл к Пешкинскому.

– Здравствуй, Демьян. Как же ты здесь оказался? – его голос был очень спокойным, размеренным и немного хриплым; глаза смотрели будто насквозь. Когда Пешкинский стал отвечать, густые брови пришедшего знакомого поднялись, а на всё лицо, которое было достаточно бледным, распространилась широкая улыбка и показались ровные белоснежные зубы.

– День добрый, Караванов! Как видишь – да, я здесь, и собираюсь вкусно пообедать, – говоря это, Пешкинский снова весь напрягся, лицо его задрожало, но, к счастью, его собеседник, так сильно контрастирующий с ним и более, чем он, подходивший к обстановке в ресторане, совсем этого не заметил. – Присаживайся, если желаешь, а я-то думаю, желаешь, давно ведь поговорить ты хотел, – продолжал Пешкинский. Его глаза сверкнули задорным блеском, и он улыбнулся в ответ на улыбку Караванова; но и здесь было большое различие, так как казалось, что Караванов улыбается совершенно искренне, а Пешкинский, наоборот, почему-то притворяется или готовится слукавить.

Караванов начал двигать стул, но как-то очень медленно, будто был не уверен в своих действиях. В это время Пешкинский заметил, что его волосы были на самом деле покрыты

лаком и поэтому, когда он входил в зал, казались влажными; такая причёска придавала внешнему виду Караванова особенную деловитость.

– Вот что, Демьян, – начал он. – Мы же с тобой знакомы со школы, как говорят, старые друзья, и много у нас было общего и, может быть, есть до сих пор. Мы же ведь помним свою малую родину, свою провинцию, – он вдруг сделал паузу в начатом разговоре, отвёл свой взгляд на окно, а потом так же неожиданно, как и остановился, продолжил. – А мама твоя мне звонила, всё спрашивала, куда ты пропал. Я ей ничего понятного не ответил, лишь успокаивал, говорил, что ты скоро выйдешь на связь, – он снова остановился, – вот только это уже месяцев восемь назад было, когда ты ещё в порядке был и я думал, – тебя скоро увижу, а ты раз – и пропал, совсем надолго. К телефону не подходишь, квартиру поменял; в университете говорят, что ты на занятия ходишь, стал даже очень активен на них, но вот только говорят, что ты ещё и идеями странными увлёкся, и я поэтому, когда неделю назад тебя в Летнем саду увидел, сразу захотел встретиться для разговора. Ну, теперь ты обязан рассказать мне, как своему старому другу, что же с тобой произошло за это время?

Всё это было сказано Каравановым слишком спокойно, без единой эмоции. Этот его тон был особенный, так как он не упрекал, не винил и не угрожал, но всегда пугал Пешкинского и заставлял его робеть, и, если был задан в таком тоне вопрос, он почти всегда отвечал правду. К тому же у Караванова была привычка всегда смотреть прямо в глаза человеку, которого он спрашивал, и в этот раз, ещё более, чем обычно, он впился в Демьяна своим пустым и пронзающим взглядом. Пешкинский, несмотря на то, что был очень голоден, а обед его уже ждал, начиная остывать, поспешил ответить.

– Да-а, – протянул он, – история эта очень длинная, здесь система целая. Если желаешь, сейчас всё и расскажу, возможно, заинтересует.

Караванов ничего не ответил, но повернулся боком, отвёл свой взгляд куда-то в середину зала и положил локоть на стол так, будто приготовился к прослушиванию длинной исповеди грешного человека. Пешкинский начал рассказывать:

– Я-то куда не пропал на самом деле, лишь образ жизни поменял. А поменял я его потому, что новые совершенно взгляды на жизнь приобрёл, литературы «золотой» начитался, принципы новые принял. И принципы не только внешние, о которых я тебе сейчас же и расскажу, но и внутренние, более сложные, – он говорил очень быстро и нескладно, но, сделав небольшую остановку, чтобы взглянуть в лицо своего собеседника, стал говорить медленнее и чётче. Всё тело его задрожало.

– Внешние как раз таки очень простые. Это я всего лишь от телефонов и сети отказался, от транспорта почти, в квартиру более скромную, но старинную переехал и деньги всё экономлю. Лишь мания к такой еде хорошей осталась и к заведениям таким. Признаюсь – скверно, но ведь люди-то и раньше поесть повкуснее да получше любили. Но не суть! Я ведь редко здесь бываю, когда лишь случается что... – он резко сделал паузу в своём монологе, но его рот остался открытым, и в любой другой обстановке это показалось бы очень комичным; но сейчас это выглядело так, будто бы он хотел рассказать, что случилось и какова причина его пребывания в таком заведении, но этого он не вспомнил и поэтому продолжил совсем о другом:

– Как видишь, исхудал совсем я, уменьшился, иссох. Все это замечают, кто раньше-то меня видел. Но всё это непросто, совсем непросто... Началось это всё, как я и сказал уже, с литературы классической, так сказать, с золотого нашего девятнадцатого века. Начал Пушкиным и Буниным закончил; всё перечёл, так интересно мне было. И критиков, и историков, и свидетелей всяких, но главными, конечно же, были писатели. Из книжек их я как раз весь быт дворянский и перенял... Конечно, читал я не только про «высших», я целую картину того русского мира составил: и бедняки мне представлялись, и крестьяне с мещанами. Но более всех, разумеется, полюбилось мне дворянство, и не императоры даже, не августейшие особы, – они уж не свободными совсем мне кажутся и от народа далёкими – а именно дворяне, с их возмож-

ностями, взглядами и идеалами. Они, так сказать, ту эпоху олицетворяют. И так уж мне обидно стало, когда пьесу про сад прочитал, когда понял, что они, дворяне эти, с той эпохой и закончились и что нет больше благородных, светлых и проницательных людей на свете, – после этих слов он взглянул на Караванова, ожидая его ответа или хотя бы сожалеющего взгляда. Но Караванов не отвечал и будто даже не понимал, о чём это ораторствует его давний провинциальный товарищ. Он продолжал сидеть в такой же изящной позе, в какую сел с самого начала, повернувшись боком к Пешкинскому. Тот в это мгновение с печалью взглянул на свой обед и продолжил:

– Но тут я решил – не вернуть ли нам дворянство? Конечно, не их самих и не их фамилии знатные, а просто взгляды, идеи, образ жизни. С образом жизни, признаться, небольшой конфуз вышел. Ты понимаешь, конечно, что жить на широкую дворянскую руку я-то пока не могу, но я решил для себя на время всё равно выбрать образ жизни человека из той эпохи славной... И знаешь, подумал я, помечтал, и нашёл для себя роль студента-разночинца, обедневшего когда-то дворянина, но жаждущего снова подняться из пучины этой печальной, петербургской бедной жизни. Вот как всё гордо! И я тогда и придумал принципы эти внешние, решил им следовать, но внутреннюю серьёзную работу, рефлексию, так сказать, я не провёл. Конечно, вопросы чести и достоинства я решил, насчёт идей и взглядов решил, но чего-то мне тогда не хватало, не был я во всём этом будто бы уверен. Но как специально попались мне на одном мероприятии университетском молодые люди, такие же, как и я; оказалось, называют они себя «современными архаистами». Я их расспрашивать начал и понял, что все принципы их с моими неоконченными, неуверенными идеями совпадают. И ведут они образ жизни такой же, как и я. Мы разговорились на том мероприятии университетском и договорились о встрече на их специальном собрании. Я пришёл на это их собрание, а там беседы у них занимательнейшие и всё точно как я думал до этого, всё они про девятнадцатый век рассуждают, о том, как хорошо там было; я тоже беседу поддерживал, своими мнениями делился. Мне уж очень в их небольшой компании понравилось. Нас пока всего, если со мной считать, четырнадцать человек, но, думаю, скоро больше будет. Есть активные среди нас, есть не очень, но главное, что идеи общие, и взгляды у нас у всех совпадают. Уже хожу на эти собрания полгода, очень они мне полюбились, всех членов этих собраний я очень уважаю, уж поверь мне!

Мы других завлечь пытаемся, ведь разговоры у нас не только о прошлом, мы ещё идеи будущего придумываем и доказываем. Вот всё как! Идеи мы эти называем прогрессивно-ретроградными и здесь не только от удобств современных отказ, здесь целая система у нас придумана.

Ну да ладно, там много ещё чего интересного; это я начал тебе лишь поверхность рассказывать. Утомлять тебя не стану, потом ещё лучше встретимся, адрес свой тебе оставляю, и ты письмо напишешь или придёшь просто, – всю свою длинную историю Пешкинский знал почти наизусть, так как часто её кому-то рассказывал. Когда он в этот раз закончил говорить, лицо его снова напряглось, а глаза вопросительно посмотрели на Караванова, ожидая, пока он повернётся, но он этого не делал, продолжая сидеть в размышлениях; тогда Пешкинский не стал дожидаться и накинусь на остывший обед.

Караванов, немного подождя, медленно повернулся и поглядел очень презрительным взглядом на Пешкинского, который уже в это время с большим удовольствием ел первое блюдо. Но Пешкинский не заметил, что Караванов повернулся и смотрит на него, и тогда он сказал:

– Нет, Демьян, так нельзя. Ты перешёл все границы... Маме твоей так и передам, что её любимый сын странными идеями увлёкся, выкинул телефон, болезненно истощал и всё время ходит пешком. Печально это, Демьян.

Тогда Пешкинский медленно поднял свои глаза, которые всё смотрели на тарелку. Взгляды двух давних приятелей сошлись, лицо Пешкинского, в отличие от состояния, в котором оно было после окончания его рассказа, больше не дрожало, взгляд Караванова перестал

быть презрительным, и так, упорно смотря друг на друга, с похожими выражениями лиц, они просидели около двух минут. Пешкинский просто смотрел, просто разглядывал весьма красивые черты лица Савелия и ни о чём, кроме этого, не думал; тот в свою очередь проделывал такую сложную мыслительную работу, на которую только был способен его ум. Он всё решал, прав Демьян или нет, продолжать ли с ним общение, говорить ли обо всём этом его матери? Но так он ничего и не решил и оставил свои размышления на потом.

Прервал этот странный эпизод официант, спросивший у Караванова, нужно ли ему меню. Но так как аппетит у него вовсе пропал и желания находиться в ресторане больше не было, он ответил, что он уже уходит и меню ему не нужно. После чего он встал, протянул руку Пешкинскому и сказал:

– До свидания, Демьян, ещё увидимся!

III

Сатукеев открыл большую деревянную дверь и зашёл в свою квартиру. Квартира эта была немалых размеров, находилась она на втором этаже невысокого дома, покрашенного в небесно-голубой цвет. Планировка у неё была старинной, анфиладной, на полу был постелен паркет. Обставлена квартира была современной мебелью разного стиля, но всё выглядело естественно и ничего не выделялось, и можно было бы удивиться тому, как возможно такое решение, принятое с риском, несмотря на всю парадность и историчность самого здания; но решение это было прекрасным, гости всегда хвалили обстановку и порядок. Лишь занавески, затеняющие свет от широких и частых окон (которые выходили на две стороны: на оживлённую улицу и на тихий двор), очень сильно выделялись своей яркостью и странным сочетанием цветов.

Сатукеев, раздевшись, прошёл по длинному тёмному коридору в залу-гостиную, которая была достаточно просторной, но из-за стоявших в большом количестве в ней диванов такой не казалась, создавая пространство, где уют преобладает над здравым смыслом. Он сразу заметил, что дома никого нет, так как ни разговоров, ни чьих-либо шагов, ни какого-либо другого шума не было слышно. Постояв немного, прислушиваясь, он удивился, почему эта весьма привычная тишина так угнетает его, и всё-таки решил не обращать на это внимания и не разбираться в своих ощущениях. Также стало любопытно ему, почему в выходной день все куда-то снова разъехались, и по каким же это таким важным делам, достойным ради них оставить свой законный отдых, и чтобы удовлетворить своё любопытство, он решил позвонить.

Из разговора по телефону с матерью выяснилось, что у обоих появились всё-таки весьма важные дела и что все почти сразу же, как Арсений ушёл на прогулку, разъехались. Также она просила Арсения подождать, предупредив, что уже возвращается домой и собирается задействовать его в важном деле, которое по телефону быть решено не может. Но он никуда уходить не собирался и до этого.

После звонка он налил себе стакан воды и сел на кухне в раздумьях о смерти Андрея Андреевича, о встрече с Пешкинским и о деле, в котором его собираются задействовать. «Станный человек этот Пешкинский; и откуда он узнал, где я живу и как меня зовут? Сам он мне весьма неприятным показался, хоть и разговор такой недлинный был. Всё дрожит он, будто бы засмеяться собирается, всё врёт как будто бы. Но про профессора он всё-таки не соврал, совсем бы это было некрасиво. Надо с ним будет ещё раз увидеться, может быть, всё, что показалось – ошибочно; нельзя так сразу людей судить! Сам же себе обещал. А вот всё же про профессора надо спросить ещё кого-нибудь, узнать, какие были обстоятельства, и тому подобное...»

Пока он думал, он сидел у окна на неудобном деревянном стуле и смотрел на крышу соседнего здания. Потом, закончив пить воду, встав и поставив стакан в раковину, он взглянул на двор и увидел странно и быстро идущих по нему мужчин, один из которых был достаточно молод и, кажется, был ему, как ни странно, знаком; второго же, почти пожилого человека, но идущего также быстро, он не знал. Они пролетели почти по всему периметру двора, что-то разыскивая; потом остановились у одной двери, позвонили в неё и, дождавшись ответа, зашли.

Люди эти показались Сатукееву подозрительными, и весь эпизод в целом – тоже, но, так как он более всего не любил в себе это качество, он решил поскорее забыть об этом и пошёл в свою комнату, чтобы начать чтение книг из списка, который для себя сам составил, назвав «Полезное и интересное». Но только он взял томик Достоевского, в голову его пришла та же самая мысль, которая появилась у него сразу же после встречи с Пешкинским. «Профессор-то мой скончался», – проговорил он у себя в голове. «И почему меня это так беспокоит? Почему же я всё об этом думаю? Ведь с Андреем Андреевичем, профессором этим, я близок не был, лишь на лекции к нему ходил, как, впрочем, и все. Да, случались у нас беседы,

полемики даже, но это и всё. Странно, может, это так мне запомнилось, потому что человек мне такой это сообщил, Пешкинский этот. Нет уж, думать об этом более не то что странно, а нерационально даже!»

Чтобы отвлечься от навязчивых мыслей, он начал осматривать свою комнату. Делал он это часто и почти неосознанно, и обычно всё же это помогало перенести точку внимания на что-то постороннее. Сначала он посмотрел на паркетный пол, который единственный в его комнате был тёмно-дубового цвета, потом, подняв глаза, посмотрел на большой чёрный рабочий стол с множеством ящичков, потом на кровать и стеллаж с книгами, стоявший возле неё. Закончил Сатукеев свой обзор, посмотрев на деревянный шкаф почти чёрного, тёмно-красного цвета, который он давно хотел куда-нибудь переставить или убрать, так как шкаф этот, по его мнению, не нёс в себе никакой пользы и лишь занимал место. Наконец он открыл «Идиота». Мысли его успокоились, он сосредоточился на книге.

Обычно, когда он читал, то полулежал в середине комнаты на своей кушетке, которую, как он говорил сам, приобрёл специально для чтения, вдохновившись картиной Жака-Луи. Сейчас, читая, он пролежал на ней где-то четверть часа, но неожиданно из его телефона, лежащего на столе, раздался звук уведомления. Тогда Сатукеев, дочитав страницу, встал с кушетки и подошёл к столу, чтобы просмотреть сообщение. «Уважаемый Арсений Фёдорович Сатукеев, смею пригласить вас по наставлению недавно скончавшегося профессора на встречу в моём доме, – было написано в сообщении, – по адресу: Литейный проспект, **. Встреча состоится для того, чтобы зачитать вам и некоторым другим лицам, указанным в списке, послание нашего уважаемого Андрея Андреевича, которое он оставил перед своей кончиной и которое звучит как распоряжение о духовном и материальном наследстве. Жду вас по вышеуказанному адресу сегодня в 17:00». Далее с небольшим промежутком пришло ещё одно сообщение с этого же номера: «Прошу прощения за запоздавшее приглашение! На это были определённые причины. И также надеюсь, что планов у вас на это время не окажется или вы сможете их отменить для такого важного дела. Спасибо. В. А. Энгельгардт».

Эти сообщения удивили Сатукеева не меньше, чем известие о смерти профессора; прочитав их, он, как ни странно, наконец понял, что больше всего в том известии, полученным ранее, его удивил сам Пешкинский, решивший так просто его найти. «Да ведь он и в квартиру мог позвонить, в гости прийти, ещё что-нибудь сделать, адрес-то у него был», – подумалось Сатукееву. Также удивило его то, что дело это имеет последствия, к которым причастен и он.

Он взглянул на небольшие серебряные часы, стоявшие на столе, которые ему подарил двоюродный дядя со словами: «Часы эти, брат (он почему-то называл Арсения братом), самые что ни на есть швейцарские, и значит, самые точные, храни их и смотри на них лишь в самых исключительных случаях». Но Сатукеев смотрел на них всегда, когда хотел узнать время. Сейчас было четырнадцать минут первого, поэтому он решил, что, почитав, пойдёт до указанного места пешком и по дороге зайдёт в кафе, чтобы перекусить.

Через полтора часа Сатукеев встал с кушетки и положил книгу на стол. Он хотел переодеться в более лёгкую весеннюю одежду, но передумал, лишь взял из своего деревянного шкафа кепи и направился в прихожую. Когда он начал надевать плащ, в дверь позвонили. Он спросил «Кто там?» и открыл, узнав, что это была его мать. Войдя с пакетами, она сразу попросила Арсения помочь, и, пока он относил их на кухню, стала что-то искать в шкафу.

Это была женщина лет пятидесяти трёх, достаточно высокого роста, мягкая и располневшая, но, несмотря на это, выглядевшая всегда очень здоровой и иногда даже цветущей. Лицо у неё было широким и добрым, с детскими, но угловатыми чертами, и на первый взгляд в нём нельзя было рассмотреть чего-то особенного, кроме больших, переливающихся зелёным цветом глаз. Одевалась она в простую одежду, хотя имела изрядный гардероб, и внешнему виду времени уделяла немного, но при этом выглядела всегда аккуратно и ухоженно. Она нигде не работала, но была постоянно чем-то занята, дома её можно было увидеть нечасто, а летом

она почти всё время, если не уезжала вместе с кем-нибудь из семьи за границу, проводила на даче, обустривая её и бесконечно внося какие-нибудь изменения.

Вообще Сатукеевы были такой семьёй, члены которой совсем не зависели друг от друга: Арсений учился в университете и дома бывал часто, но все время находился у себя в комнате; его отец всё время где-то был по работе: то совершал сделки, то уезжал в другие города для решения важных вопросов. Когда он бывал дома, то всё время почти находился на кухне и по возможности беседовал с женой на самые непринуждённые и бессмысленные темы. Как говорил он сам, таким образом он отдыхает; но когда она уходила, то и он отправлялся в свой кабинет для заполнения каких-то важных документов. Старший брат Арсения служил на дипломатической службе за границей и приезжал в Петербург где-то четыре раза в год, на недолгий срок, но, когда он приезжал, вся семья дни проводила вместе, занимаясь совместными делами. Гости у Сатукеевых были весьма часто, где-то по два раза в неделю, но заходили ненадолго, так как знали, что хозяева скоро должны будут куда-то убежать по своим делам.

Когда Арсений вернулся с кухни и застал мать занимающейся каким-то суетливым делом в шкафу, то решил пока что не уходить и подождать, пока она закончит, чтобы узнать, что за дело у неё к нему было. Но она услышала, что он вернулся, и, быстро повернувшись в его сторону, спросила:

– Уже уходишь? – её голос, как и обычно, звучал весьма громко, но немного подрагивая.

– Да, мама, мне пора, профессор Андрей Андреевич умер, просили прийти по этому делу, – проговорил Арсений, застёгивая свой плащ в ожидании слов о том весьма важном деле; хотя для него было бы лучше решить это потом, так как он уже начинал торопиться.

– Как умер? – в голосе Беллы Алексеевны звучало самое натуральное удивление, хотя она этого профессора совсем не знала и лишь пару раз слышала о нём от Арсения.

– Потом расскажу, сейчас уже на встречу идти надо.

И он, посмотрев на мать и обрадовавшись, что его не задержат (он заметил это в её глазах, которые будто бы говорили, что он может идти), быстро открыл дверь и вышел на лестничную площадку.

IV

В этот же момент, закрыв за сыном дверь, Белла Алексеевна отправилась через залу на кухню, чтобы начать приготовление обеда, так как она обещала мужу и сыну готовить всю эту неделю, выполняя долг настоящей хозяйки. Она так и заявила; с гордостью тогда прозвучали её слова, но теперь она мучилась, что каждый день нужно так много времени проводить дома и тратить его к тому же на готовку. Дело, в котором она хотела задействовать Арсения, было связано с приездом её старшего сына и, соответственно, брата самого Арсения, но она забыла об этом сказать и вспомнила, лишь когда взялась за обед. Сразу же спохватившись, она хотела позвонить, но потом передумала, так как решила, что всё расскажет, когда уже вечером будут вместе и сын и муж.

Георгий Фёдорович, сын и брат, был на дипломатической службе в Швейцарии с целью, как обычно, решать там весьма важные вопросы. Но, по его словам, это была лишь «маленькая проблема для маленькой Швейцарии и огромная проблема для огромной России». Он был человеком во многом светским и публичным, и эти слова стали сразу многие повторять в разговорах, связанных с политическим положением страны. Эти же слова употребляла и Белла Алексеевна, немного лишь меняя, когда в разговоре кто-нибудь спрашивал, где находится её старший сын. Она так и отвечала, что он в Швейцарии решает такие-то и такие-то вопросы, и что проблема, для которой он туда сейчас отправился, «очень мала для маленькой Швейцарии и очень велика для великой России». Такая формулировка нравилась ей больше всего, хотя она и немного меняла смысл изначального выражения и придавала ему оттенок патриотизма.

В общем, стоит упомянуть, что подруг у Беллы Алексеевны было много, и не только в России, но и во всём мире; с ними она нередко говорила по телефону или же встречалась во время путешествий. Но, несмотря на это большое количество подруг и на разнообразие их мест проживания, все из них до единой знали, чем занимается сын Беллы Алексеевны в Швейцарии.

В этот раз дату своего приезда Георгий Фёдорович сообщил только матери, но для того, чтобы она сообщила её всем, кому желает нужным; и ещё он добавил, что, если она хочет, может никому совсем и не сообщать, чтобы сделать сюрприз. Но она решила сделать всё наоборот, в её голове созрел определённый план, весьма простой, но отчего-то ей очень понравившийся, и она считала, что он должен обязательно понравиться и другим членам семейства. План этот состоял в том – так как Георгий Фёдорович приезжал на срок немалый, на целый месяц – чтобы познакомить его с разными людьми, устраивая часто где-нибудь встречи, на которых будут присутствовать и общаться интересные персоны.

Она знала, что сын её – человек светский и, участвуя во встречах и в интересных разговорах, он всё-таки, может быть, изменит свои ценности и идеалы и останется жить в России. Последнего ей очень хотелось, и она была готова на всё, чтобы этого добиться, и план, придуманный именно для этого, казался ей превосходным. Самая большая роль в этом плане была у Арсения, который, имея много разнообразных знакомств, мог бы как раз и повлиять на своего брата.

Но всё же этот план, это дело Беллы Алексеевны, было больше странным, чем хорошим, к тому же и сам Георгий Фёдорович, хоть и был человеком дипломатичным, хорошо говорящим, больше времени любил проводить в семейном кругу, так как часто он сам очень устал. Устал от поездок и от встреч, да и вообще от работы и быстро бегущей жизни своей в целом. Но обо всём этом Белла Алексеевна не думала и в самом хорошем расположении духа продолжала готовить обед.

В это время Арсений Сатукеев уже шёл по широкому проспекту; шёл своей быстрой, ровной походкой. Он наблюдал, но иногда и уделял внимание собственным мыслям. Прохо-

жие, одетые в большинстве своём тепло, суетливо шли в самых хаотичных направлениях, кто-то наискось, кто-то прямо; все были будто чем-то серьёзно заняты, куда-то устремлены, и лишь некоторые шли, медленно прогуливаясь. Сатукеев был одним из тех прохожих, которые куда-то быстро шли, на фоне массы этой он ничем не выделялся, разве что прямой траекторией своей ходьбы и тем, что его все обходили. До назначенной встречи оставалось чуть более двадцати минут, а ему оставалось идти около двух километров. Он боялся опоздать, и именно поэтому время от времени он ещё сильнее ускорялся, чуть ли не до бега. Но бежать Арсений не хотел, так как знал, что совсем потеряет удовольствие от своей прогулки, не сможет наблюдать за величественными зданиями и угадывать их архитектурные стили, не сможет наблюдать и за лицами людей, и, в конце концов, он просто быстро устанет. Поэтому вариант пуститься бежать был признан им нерациональным, и он продолжил идти в прежнем темпе.

Он всё думал, что же там, на этой встрече, будет. «Неужели так велика серьёзность всего предстоящего? Вряд ли. Интересно, кто же там будет? И будут ли ещё какие-нибудь студенты? Возможно, вполне возможно», – он вёл в голове диалог с самим собой, задавал вопросы и отвечал на них; такая форма рассуждений ему иногда нравилась. Но неожиданно в толпе он заметил того человека, который недавно в сопровождении ещё одного шёл по двору и который показался ему тогда подозрительным. На этот раз он был один; и в какой-то момент Сатукееву показалось, что этот человек идёт в том же направлении, что и он сам. «Не получил ли он такого же сообщения, как и я, не идёт ли он по такому же адресу?» – промелькнуло у него в голове. Но где-то через четырнадцать метров человек этот свернул на перпендикулярную проспекту улицу, и Сатукеев сразу же постарался о нём забыть, так как он в его мыслях порождал подозрительность, которую Арсений так не любил.

Через несколько минут Сатукеев уже был рядом с указанным в сообщении адресом, однако входа в нужный дом найти не мог и какое-то время ходил туда-обратно около одних ворот, но потом произошла неожиданная встреча.

Стоя у ворот, Сатукеев вдаль увидел небольшую фигуру Пешкинского, который как-то неестественно шёл медленной походкой и через пару минут уже был рядом с Сатукеевым, но до конца будто бы его не замечал. Всё это Арсений наблюдал с недоумением во взгляде. Уже отойдя от него на метр, Пешкинский обернулся и сказал достаточно громко:

– А-а-а! Арсений Фёдорович, добрый день! Или вечер? Даже, право, не знаю. Всё флаирую, на граждан смотрю, и уж во времени-то совсем потерялся.

– Не подскажете ли вы, уважаемый господин Пешкинский, раз уж вы здесь, как найти человека в этих местах по фамилии Энгельгардт? – с насмешкой и некой раздражённостью произнёс Сатукеев в ответ на приветствия Пешкинского. Тот в этот момент расхохотался.

– Хе-хе... Вы думаете, я за вами слежу? Откуда же мне тогда знать, где проживает этот человек? Нет, я-то ведь совсем этих мест не знаю, уж человека-то этого тем более. Я просто здесь гуляю, – произнёс Пешкинский, растягивая последние слова.

– Как же?

– А вот верите ли, Арсений Фёдорович?! Лицо-то у вас совсем подозрительное стало, глаза томят, – последнюю фразу Сатукеев не очень понял, но так как ничего полезного он от своего собеседника не получал, лишь терял своё время, то решил с ним поскорее попрощаться. И к тому же Пешкинский совсем ему стал невыносим, и стала невыносима его фальшивость и неестественность в каждом слове, даже в самой походке и во всей встрече этой.

– Ну ладно, Демьян. Тогда прощайте, мне надо уходить искать то, что искал до встречи с вами... Продолжайте вашу прогулку.

– Я-то, право, могу помочь, – предложил Пешкинский.

– Спасибо, не надо, не надо. Сам уж как-нибудь.

Пешкинский ничего не ответил, лишь посмотрел очень кротким, но странным взглядом, и беседа окончилась.

V

Сатукеев, несмотря на то, что очень торопился, опоздал. Когда он звонил в дверь, было уже четырнадцать минут шестого. Ему открыла маленькая и худая женщина, которая даже не спросила перед тем, как он вошёл: «Кто там?» Когда он переступал через порог, входя в тёмную прихожую, обставленную до самого потолка большими серыми шкафами, эта женщина резко и молча повернулась, подошла к маленькой фанерной двери, ведущей, видимо, из прихожей в другие комнаты, уже взялась за ручку, будто бы хотела выйти, но вдруг с испугом повернулась и спросила:

– Вы ведь к Виктору Альбертовичу? – её голос прозвучал неестественно звонко и как-то тревожно.

– Да, я к нему, – ответил Сатукеев, кивая.

– Тогда раздевайтесь, проходите за мной, – и она хотела подойти к Арсению, чтобы взять его плащ и кепи, но очень робки были её движения, поэтому он даже не понял её намерений и очень удивился, когда она так близко подошла к нему.

– Аа-а, нет, нет, спасибо, я сам. Просто скажите, куда повесить, – ответил он, всё-таки поняв её неожиданный порыв.

Маленькая женщина отодвинула дверцу серого шкафа-купе и указала на вешалку, после чего отошла, ожидая, когда можно будет провести гостя в нужную комнату, но тут же вспомнила, что ещё надо выдать тапки, и кинулась к маленькому сундучку, чтобы достать их. Сатукеев поблагодарил, и наконец, она повела его по длинному, тёмному и узкому коридору куда-то вглубь квартиры.

В этом коридоре было огромное множество разных закрытых дверей, между которыми стояли какие-то огромные тумбы, и Сатукеев несколько раз чуть не задел некоторые из них. Он долго не понимал, как определить это место в своих мыслях – это была будто и обычная квартира, будто и коммунальная, или, может быть, это была и контора с разными офисными помещениями. Наконец они подошли к двери, на которой была табличка с надписью: «Нотариус. Виктор Альбертович Энгельгардт».

Женщина тихо и незаметно для находившихся в комнате людей открыла дверь перед Сатукеевым, после чего быстро, не сказав ни слова, стала удаляться обратно в темноту узкого коридора и вскоре совсем скрылась из виду.

В комнате, которая напоминала кабинет, Сатукеев увидел четырёх человек, которые его пока что не замечали. Один из них сидел за столом, склонив голову над бумагами, и что-то писал. На первый взгляд это был мужчина уже немолодой, но с тёмными густыми волосами, которые были настолько аккуратно уложены, что казались париком. Остальные трое сидели на длинном чёрном кожаном диване и все как-то очень сильно отличались друг от друга. Один из них был восточной внешности, с большими квадратными очками на чёрных глазах; он сидел, нагнувшись вперёд, и опирался руками на колени, пальцы его были сложены в замок, а взгляд будто был очень сосредоточен и смотрел в одну точку. Сатукееву лицо этого человека показалось очень знакомым; нет, даже не знакомым, а очень типичным, такие лица он уже не раз встречал на улице, на вокзале и на остановках. В таких лицах вне зависимости от остальных черт глаза всегда неподвижно и обязательно через очки смотрят, сосредоточившись, в одну точку. Сатукеев людей, обладающих такими лицами, называл программистами.

Рядом с программистом сидел в элегантной позе, опустив ногу на ногу и облокотившись на спинку дивана, молодой человек; его волосы были залачены, а в руках он держал книжицу, которую, видимо, взял с одной из полок шкафа. Как узнал потом Сатукеев, книжица эта была «Конституция РФ», а молодого человека звали Савелий Караванов.

Рядом с ним, в самом углу дивана, сидел, держа в руках телефон, юноша, почти мальчик; по крайней мере, Сатукееву он показался очень молодым. Он был в кепке с эмблемой бегущего коня, штаны его были закатаны, и торчала часть обнажённой голени, а обувь, как ни странно, отражала падающий свет от ламп и неприятно слепила глаза. Он был одет очень современно, в непонятной, но вроде как модной манере, и весь его облик напоминал определённую часть новой молодёжи. Когда Сатукеев сделал уверенный шаг вперёд и вошёл в комнату, все посмотрели на него, кроме этого очень молодого человека, по-прежнему увлечённого чем-то в своём телефоне. Первым Сатукеева поприветствовал Виктор Энгельгардт.

– А-а, здравствуйте! Проходите, присаживайтесь, но сообщите ваше имя. Вы ведь из списка и получали сообщения? – проговорил он, и Сатукеев подробнее смог разглядеть его. Это был человек среднего роста, очень плотный, но не толстый, его движения были учтивы и плавны, будто бы он был уверен, что за ним всё время кто-то следит и оценивает его поведение. Лицо его, несмотря на видимый уже немолодой возраст, было без морщин, лишь возле маленьких серых глаз образовались мешки и какие-то две линии, напоминающие шрамы, не соответствующие остальному облику и полученные, видимо, при загадочных обстоятельствах, о которых никто не знал. Голос его звучал низко, почти басом, но очень дружески.

– Да, я Арсений Сатукеев. Получил ваше сообщение и пришёл по указанному адресу.

– Прекрасно! Я ведь такой алармист, думал, что поздно оповестил и никто не придёт, а дело ведь очень ответственное, и нужно его решить уже сегодня, – ответил Энгельгардт на отчёт Сатукеева о сообщениях и пригласил его присесть, указывая на один из стульев, стоявших возле стены.

Сатукеев направился к своему месту, но вдруг один из сидящих привстал и протянул ему руку. Это был Караванов; его примеру последовали и остальные, называя свои имена и приветствуя Сатукеева. Оказалось, что имя молодого человека Илья Коридонов и учится он на первом курсе в том же университете, что и Арсений, а вот имя программиста разобрать было сложно, так как тот его быстро пробормотал, сконфузился и сел в прежнюю позу.

Когда Сатукеев подошёл к стулу, Виктор Альбертович, обращаясь ко всем, сказал:

– Ну что же? Остались ещё двое. Ждём их и точно начинаем, – после этого он снова сел за свой стол и наклонился над бумагами. В комнате воцарилась молчание, и так, почти в абсолютной тишине, прошло около десяти минут. Сатукеев крутил головой и рассматривал то кабинет, то людей, сидящих в нём, но никто не обращал внимания на его пристальные взгляды – программист сидел в размышлениях, Караванов и Коридонов продолжали заниматься тем же, чем и занимались до прихода Сатукеева: один читал конституцию, другой был чем-то увлечён в телефоне.

Вдруг открылась дверь и в комнату вбежала, запыхавшись и покрасневшись, та женщина, которая встречала Сатукеева. Как узнал он потом, это была домработница Энгельгардта, которая занималась многими его делами, выполняя и долг хозяйки, и долг секретаря, и много ещё кого. У неё была длинная и запутанная история, связанная с мелкими наследственными делами, после чего она и оказалась на этом месте у Энгельгардта, продолжая трудиться для него вот уже четвёртый год. В этот момент она подошла к его столу и что-то тихо начала говорить ему на ухо. Виктор Альбертович посмотрел на неё удивлённым взглядом и намного, намного громче, чем она, сказал:

– Разумеется! Это же такие же посетители, как и все остальные. И ничего, что они не очень презентабельно одеты. Ведите их сюда, – эти слова и этот неожиданный приход домработницы очень удивили Сатукеева, так как, когда он входил, его даже не спросили, кто он и для чего пришёл. В его мыслях промелькнула самодовольная насмешка: «Видимо, я одет порядочно», – но тут же он прогнал её из своей головы как какую-то тщеславную мелочь и замер, смотря на дверь, в ожидании этих непрезентабельно одетых посетителей.

После слов Энгельгардта домработница почти выбежала, не закрыв дверь, и через несколько минут там показались Пешкинский и тот человек, которого Сатукеев уже видел сегодня у себя во дворе и на проспекте.

VI

И действительно, Пешкинский и его, видимо, приятель были одеты (в особенности это было заметно в сравнении с интерьером кабинета и внешним видом остальных там присутствующих) не очень аккуратно и даже немного напоминали бездомных, падших или потерянных людей.

Пешкинский по-прежнему был в своём гигантском пальто, которое решил почему-то не снимать и не оставлять в прихожей и так в нём и пришёл в кабинет. Остальной его облик с первой утренней встречи с Сатукеевым почти не поменялся, лишь стал более сероватым из-за прогулок по пыльным весенним улицам. Человек же, который стоял рядом с ним, был одет ещё более скверно: длинный его плащ висел на нём, как покрывало, и был весь изорван внизу, под плащом виднелся старенький запачканный пиджак и скатанный свитер болотного цвета. Каштановые волосы его были коротко подстрижены и имели рыжеватый оттенок; лицо его всё было в веснушках, но не таких, какие бывают обычно, а в каких-то ярко-белых с серыми точечками. Они придавали ему болезненный вид. Из-под светлых бровей, которые были, как ни странно, намного светлее волос, сверкали зелёные глаза, взгляд которых носился по комнате, оглядывая присутствующих.

Энгельгардт так же, как и Сатукеева, пригласил их присесть на стулья, один из которых стоял почти в самом углу комнаты, а другой ближе к Сатукееву, рядом со шкафом. Пешкинский поспешил подсесть к Арсению, после чего, когда суета и некоторые разговоры успокоились, все взглянули на Виктора Альбертовича с большим любопытством. Он встал возле своего стола, держа в руках запечатанный бумажный пакет, и вся его фигура вытянулась.

– Перед вами, так, как и попросил покойный, я открываю этот экземпляр, на котором написано: «Послание разным людям. Открыть после моей смерти. Профессор А. А. Н.», – почему-то с восторгом в голосе прочитал Энгельгардт, после чего взял со стола канцелярский нож и отрезал верхушку пакета. Затем достал оттуда множество пронумерованных бумаг и аккуратно разложил их на своём столе.

– Какая конспирация! – воскликнул Караванов. – И для чего же это всё? Что же там такое?

– Терпения, терпения, пожалуйста. Сейчас всё вам будет прочитано! – с презрительным уважением сказал Энгельгардт, кинув угрожающий и недовольный взгляд на Караванова. – Письмо «номер один», – произнёс он и зачитал список, в котором были имена всех сидящих в комнате, в том числе и его самого. После этого он взял бумагу под «номером два» и громким голосом произнёс:

– «Следующая записка должна быть услышана всеми, кто упомянут в списке», – это тоже было написано на той бумаге, но нотариус проговорил это, не смотря в неё и окинув взглядом всех сидящих, поэтому это прозвучало как его собственные слова, которые он выучил специально для такого события.

– «Стремительной была болезнь моя, – прочитал нотариус, уже смотря в бумагу. – Она была мне известна, но лечиться от неё я не хотел. Жизнь моя в последние годы потеряла какой-либо смысл. За этот меланхолический порыв я, разумеется, прошу прощения и предупреждаю, что в данной записке, которая будет раскрыта уже после моей смерти, есть вещи всё-таки и полезные. Как же без комизма, товарищи-студенты!

Свою работу, свою, как её даже можно назвать, книгу, сам я публиковать не хотел, к тому же из-за болезни я, думаю, и не успел бы это сделать. Поэтому право на это произведение под названием «Восторженные иллюзии современного человека» я завещаю одному из своих учеников (это будет указано в следующих бумагах), а также попрошу публиковать его не под моим именем. Посмертная известность мне совсем ни к чему. Но человек, который будет ука-

зан в следующих бумагах и который получит право на данное произведение и опубликует его под своим именем, может получить некоторый гонорар и, возможно, славу, тем самым улучшив своё положение в ещё начинающейся жизни. Следующий список называть наследством здесь мне бы не хотелось, а так как родственников и близких друзей у меня нет, всё моё скромное состояние я разделю между фактически случайными людьми и считаю, что оно им будет нужнее, чем кому-либо другому. Большинство из этих людей – студенты, и знаю я их лишь по своему преподаванию. И все они были указаны в списке выше под номером один. Каждому зачитывать по-отдельности.

Являться, как положено в процессе, три раза, я надеюсь, никому не придётся и это будет согласовано с нотариусом. Надеюсь, всё это было внимательно прочитано и заслушано. Благодарю!»

Энгельгардт, закончив читать вторую бумагу, взглянул на сидящих. Все смотрели на него с большим удивлением, в видимом поражённом состоянии после услышанного. Виктор Альбертович был удивлён не меньше, но старался этого не показывать, так как считал, что удивляются только глупые люди.

– И что же дальше? – наконец спросил Сатукеев, невольно привставая со стула и оглядывая остальных.

– Видимо, по указанию профессора всем надо выйти, и я буду приглашать вас по одному, – ответил Энгельгардт, наоборот, садясь и продолжая скрывать своё удивление. – А пока побудьте в гостиной, я попрошу Фаину Михайловну принести всем вам чай, – и он, развернувшись на стуле, нажал на маленькую кнопку, торчащую из стены позади его стола. Через несколько мгновений дверь открылась, и появилась домработница.

– Фаина Михайловна, проведи, пожалуйста, молодых людей во вторую гостиную и принеси им чай, – попросил Энгельгардт, после чего все, кроме него, встали и направились к двери.

Всё это происходило в каком-то церемонном молчании, лишь когда уже шли по тёмному коридору, кто-то, идущий позади всех, с негодованием сказал:

– Ну и темнота! Неужели нельзя провести здесь освещение? – на этот возглас никто ничего не ответил, лишь только через несколько мгновений программист, идущий перед Сатукеевым, неожиданно произнёс:

– Видимо, так надо, – и ему почему-то стало очень смешно от своих слов, и он негромко захихикал, но так как все остальные молчали и были слышны только шаги, этот смешок услышали все.

Наконец все вошли в светлую и просторную гостиную, в которой было много маленьких окон, а в середине стояли три дивана и журнальный столик, но больше ничего не было. Все расположились. На каждый диван сели по два человека. Пешкинский вместе со своим приятелем, имя которого пока не называлось, сел напротив Караванова и Сатукеева. Коридонов и программист заняли оставшийся свободный диван.

– Можем теперь и побеседовать, – произнёс Пешкинский, обращаясь ко всем сидящим. В этот раз он был очень спокоен, и даже лицо его не дрожало. – Нотариуса здесь нет, и наконец можно о чём-то поговорить, не так боязливо всем будет, – после этих слов он усмехнулся.

– А тебе было действительно страшно? – вдруг сказал Пешкинскому Коридонов, доставая из кармана свой телефон.

– Нет, думаю, вы ошибаетесь, – неестественно почтительно и как-то невпопад ответил Пешкинский. Он хотел сказать что-то ещё, но его перебил Сатукеев.

– Станным всё-таки человеком был этот профессор, – сказал он, – для чего нас всех здесь собирать, для чего писать эти списки и зачем так просто раздавать своё добро? Неужели мы что-то действительно получим?

– Думаю, да, – ответил на риторический вопрос Сатукеева приятель Пешкинского. Это были его первые слова за всё время пребывания здесь, но звучали они очень уверенно и оста-

вили почему-то приятное ощущение, несмотря на весь остальной, весьма неприятный его облик. – Иначе зря теряю своё время. И каждый, думаю, тоже зря теряет, если ничего в итоге не получит. Сидим вот здесь, друг на друга смотрим, никто никого не знает, а нас с Демьяном ещё и пускать не хотели, – продолжал он свою уверенную речь, но вдруг вошла домработница, неся в руках поднос, на котором был чай и почему-то семь чашек, а также одна тарелка с шоколадными печеньями.

В этот момент Сатукеев взглянул на Пешкинского, наконец вспомнив, что он встречал его, когда искал этот дом, и в голове его выстроилась череда разных сомнений насчёт всего происходящего. Первым и очень странным обстоятельством показалось ему то, что Пешкинский не пользуется телефоном, и, значит, не получал сообщения. Из этого следовало, что он узнал о сборе здесь каким-то другим способом, а также то, что он, когда встретил Арсения на улице, точно знал, как найти квартиру нотариуса, но почему-то решил не помогать ему.

Личность Пешкинского обрела ещё больше загадочности в мыслях Сатукеева, и он продолжал разгадывать остальные тайны сегодняшнего дня: вспомнил о странных людях у себя во дворе и о том, что один из них сейчас находится перед ним. Он мог долго просидеть в таких размышлениях, но его неожиданно пробудил голос его соседа.

– Смешные у вас здесь обычаи, – сказал Караванов, когда домработница подавала ему чашку.

– Так требует Виктор Альбертович, что поделаешь, – ответила она с оттенком какой-то фамильярности в голосе.

Фаина Михайловна налила чай всем, кроме Сатукеева, так как он отказался, ссылаясь на бессонницу. Как раз в этот момент вошёл Энгельгардт и попросил Арсения пройти в его кабинет, так как он был первым в списке.

В комнате осталось пятеро, – домработница тоже вышла. Пешкинский поставил чашку на столик и сказал:

– Интересно, что достанется Сатукееву. Андрей Андреевич его всё-таки очень уважал.

– Мне больше интересно, что достанется мне. Неужели это может быть что-то ценное? – с излишней уверенностью откликнулся на слова Пешкинского Коридонов, тоже ставя свою чашку на стол и беря печенье.

– Профессор не был особо богат, – ответил Караванов на вопрос Коридонова. – Может, квартира была какая-нибудь, но вряд ли он нам такую ценность завещает.

– Откуда ты знаешь? – вдруг пробормотал программист. Его глаза уже не были сосредоточены и смотрели то в окна, то на людей, сидящих вокруг него.

– Ничего я, признаться, не знаю, просто предположил. И вообще я очень удивился, когда мне сообщение от Энгельгардта пришло. Я ведь профессора раза два видел, не знаю, как он меня запомнил, – его голос звучал очень просто, сильно отличаясь от того тона, с каким он беседовал днём в ресторане с Пешкинским. – Я ещё больше удивился, когда здесь всех вас увидел, когда потом Демьян пришёл, – продолжал Караванов. – Я думал, что будут родственники, а я в этот список попал случайно, но, как оказалось, у профессора их нет и он решил собрать нас всех. Решил раздать своё добро каким-то студентам. Это даже как-то абсурдно, – закончил он с насмешкой в голосе и оглянул всех, думая о том, какое впечатление произвели его слова.

– Может быть, он меценатом решил стать, – с каким-то весельем сказал Пешкинский. Ему явно нравилось находиться здесь в ожидании провозглашения своего наследства, и такой пространственный разговор мог продолжаться ещё долго, но вдруг вошла домработница и предложила принести ещё чаю.

VII

Сатукеев был первым в списке и по завещанию получал право на публикацию книги профессора, о которой упоминалось во второй бумаге. На такой поворот обстоятельств он рассчитывал меньше всего и сначала был отчего-то очень грустен, но когда Энгельгардт объяснил ему все тонкости этого дела, то он осознал, что всё не так уж и плохо и не такая уж на нём большая теперь ответственность за публикацию, авторство и так далее. К тому же, что и было естественно, он вовсе мог ничего не публиковать и оставить всё как есть, и тогда ни о книге профессора, ни о нём самом никто бы не узнал.

Он выслушал Виктора Альбертовича, но ближайшие распоряжения решил отложить и попросил нотариуса оставить ему адрес электронной почты и ещё какой-либо контакт. С этого дня книга и права на неё были у Арсения, и оставалось только заплатить издательству и выпустить определённый тираж для «пробы». Деньги на тираж у него были, и за это он не беспокоился, но какое-то неприятное чувство неразрешённого дела царило в нём и мучило его мысли. Поэтому после беседы с Энгельгардтом Сатукеев хотел отправиться домой, но когда зашёл в гостиную, чтобы передать Пешкинскому, что он следующий, то почти все попросили его остаться и рассказать, что же ему досталось. Он согласился.

Когда Сатукеев говорил Пешкинскому, что Энгельгардт его ожидает, они встретились взглядами, и Арсений увидел в его глазах безудержную эйфорию, желание бежать и извиваться. По нему всему видно было, что сейчас реальность воспринимается им как сверхъестественное. Сатукеев сразу же постарался отвести от него взгляд и, лишь когда Демьян уже выходил за дверь, мельком посмотрел ему вслед.

Как только Сатукеев сел на диван, его сразу же спросил приятель Пешкинского, оставшийся в одиночестве на своём прежнем месте:

– Ну, что уже получили?

– Можно сказать, книгу, – ответил Сатукеев уставшим голосом. Он действительно утомился за этот день: его голова стала тяжёлой, а всё тело почему-то ломило.

– И всего лишь? Это та, о которой во второй бумаге говорилось? Рады ли вы? – он безудержно мог бы продолжать вопросы, и, когда Сатукеев хотел уже начать всё-таки на них отвечать, он его перебил и сказал:

– Меня, кстати, Дмитрий Морозянкин зовут. А вас? – он встал и подошёл к Сатукееву и Караванову, чтобы пожать им руки. Сатукеев вяло протянул ему свою и сказал:

– Арсений. Можно на «ты», – то же самое примерно таким же тоном сказал Караванов, после чего нахмурился и скрестил руки на груди в знак внутреннего протеста. Ему эта личность, так сказать, новый товарищ его старого друга, очень не нравилась, и он старался особо с ним не взаимодействовать. Когда Морозянкин сел, Сатукеев продолжил говорить:

– Честно говоря, я бы ничего не хотел получить от покойного. Как-то несправедливо это, в особенности если бы мне досталась какая-нибудь дача, или автомобиль, или квартира. Можно сказать, что книга, наверное, в этой ситуации самое подходящее.

– Станный ты человек тоже, – начал Караванов. – Неужели не хотелось бы в таком относительно молодом возрасте иметь что-нибудь «своё»? Ведь это всё равно что выиграть в лотерею.

– Как-то несправедливо это даже по сравнению с лотереей. Не своим трудом получено и без каких-либо усилий. Так неожиданно, просто получил сообщение, пришёл и стал автором книги. Нечестно по отношению к самому себе. Если в жизни всё так будет легко доставаться, то и деградировать можно начать. Конечно, случай этот единичный, но характеризует ряд определённых принципов человека, – несмотря на свою усталость, Сатукеев говорил достаточно энергично, но большинство с ним были не согласны. «Ну нет!», «Ну не знаю!», – слышалось

с дивана, на котором сидели Коридонов и программист. Караванов покачал головой, а Морозянкин сказал:

– Это, я думаю, не так, – в его голосе зазвучали оттенки насмешки. – Ну согласен я с тобой, случай этот единичный и вряд ли ещё такое случится, но именно сейчас почему бы не возрадоваться своей фортуне? Это ведь будет намного рациональней (он сделал ударение на это слово), чем какие-нибудь другие чувства, а тем более печаль или грусть.

Сатукеев после этих слов неожиданно встрепнулся; всё его тело заметно вздрогнуло, и Караванов, который в этот момент поправлял галстук, повернул на него голову с удивлением во взгляде, после чего, убедившись, что ничего страшного не произошло, продолжил своё занятие. Также на Сатукеева посмотрел, отвлёкшись от своего телефона, Коридонов; и когда потом Сатукеев вспоминал этот разговор, то понимал, что больше всего в словах Морозянкина его поразили этот самонадеянный и насмешливый тон, который точно обозначал то, что он явно знает больше, чем все остальные. Также сильно поразило Арсения это ударение на слове «рациональнее», так как он сам часто это слово использовал и почти также его выделял.

После этого странного момента в комнату вошёл Пешкинский: лицо его было просиявшим и дрожало точно так же, как и утром. Он уже был ближе к реальности, но вот эйфория не ушла, а, наоборот, увеличилась.

– Дача! – с радостью в каждой букве проговорил он. – Большой загородный дом! Я даже не верю, – весь дрожа, он сел на своё прежнее место. Все стали поздравлять его, но разделяя радость с некоторой завистью. И только Сатукеев молчал. Он ещё не пришёл в себя после «щелчка», как он назвал потом этот момент. Когда все немного успокоились, он встал и сказал уставшим голосом, что ему совершенно точно пора уходить. Никто не стал его удерживать, и он, распрощавшись, вышел из гостиной. В прихожей он встретил домработницу; в этот раз она всё-таки подошла к нему и успела подать ему его вещи.

Выйдя на улицу, Арсений сразу стал оглядывать изменения, которые произошли, пока он находился в помещении. Уже наступал вечер, небо по-прежнему было ясным, а солнце медленно скрывалось за крышами домов, и в его красноватом свете облака приобретали причудливые очертания. Весь город дышал какой-то негой, совсем не похожей на какие-либо другие состояния в такое время. Пыль уже улеглась, всё стало чище, спокойнее; прохожих было уже не так много, они никуда не торопились, и Сатукеев, последовав примеру остальных, пошёл тоже медленно, размышляя обо всём произошедшем. Ведь таких относительно насыщенных дней уже давно не было в его размеренной жизни, он давно ни с кем не знакомился, и именно поэтому, несмотря на усталость во всём теле, душа его пребывала в возбуждённом состоянии.

VIII

Однако всё теперь странным казалось Сатукееву. Он будто прикоснулся к чему-то плохому, зловредному или преступному. Весь этот процесс получения прав на книгу, утренняя встреча с Пешкинским, его скрытность, этот короткий разговор с Морозянкиным – всё смешалось в его голове в единое неприятное воспоминание, которое теперь мучило его. Сатукеева не интересовало, что получили остальные, не интересовало, кто вообще были все эти люди, он, наоборот, хотел поскорее всё забыть. Он будто в первый раз открыл свою душу несправедливой части мира, но не понимал, что в ней такого несправедливого. Он мучился от этого непонимания, а также от непонимания того, почему в нём теперь столько сомнений насчёт не только новых знакомств и дальнейшей публикации книги, но и насчёт всего происходящего в мире.

«Есть ли в этом смысл? Для чего это всё?» – мелькало в его голове. Он задавал себе вопросы, похожие на вопросы, которые задаёт себе человек, разочаровавшийся в жизни, не ценящий её. Но Сатукеев таким человеком не был, скорее наоборот, он чувствовал, что любит жизнь, стремился вперёд, но теперь вместе с этим стремлением какое-то предчувствие следовало за ним, влетало в его мысли, заставляло сомневаться, что-то искать. Чтобы отвлечься, он стал смотреть на здания, на небо, на редких людей, но ничего не получалось; часть его ума была будто заражена какой-то бесцельной болезнью, которая до этого момента ни разу не встречалась ему, но теперь, распространяясь, заполняла всю его душу с огромной скоростью.

Дойдя до Невского проспекта, он решил вызвать такси, чтобы скорее добраться до дома и отвлечься на разговоры, а может быть, и поделиться с кем-нибудь своими странными переживаниями и вопросами. Машина скоро подъехала, и вот уже через мгновение перед Арсением в окне начали мелькать немногочисленные петербургские улицы с яркими вывесками, жёлтыми окнами и зажигающимися фонарями. Водитель славянской внешности катил с большой скоростью, и через несколько минут Сатукеев, расплатившись, уже шёл по своему двору к парадному подъезду.

В одно время с Арсением приехал на своей машине и его отец. Он увидел сына, но решил идти немного позади, чтобы понаблюдать за ним. Не без сожаления он заметил в его походке какую-то нетвёрдость, рассеянность, и в какой-то момент даже поравнялся с ним, чтобы взглянуть ему в лицо. Но Арсений заметил его, лишь когда открывал дверь, так как Фёдор Фёдорович, уже идущий чуть позади, с комизмом в голосе его окликнул:

– Может быть, хотя бы придержишь дверь?

– Аа-а, отец! Я тебя совсем не разглядел. Заходи, заходи, – когда произошла эта встреча, беспокойство Сатукеева достигло своего апогея, поэтому он был рад наконец встретить близкого человека и отвлечься. Они вместе поднялись на второй этаж; Фёдор Фёдорович позвонил в звонок. Белла Алексеевна открыла дверь. На ней был редкий фартук и какая-то странная шапочка тёмно-оранжевого цвета.

– Ну что же, хозяйюшка! Встречайте сынов своих, – Фёдор Фёдорович был особо весел в этот вечер, и ему хотелось обращать на себя внимание членов семьи. Белла Алексеевна заулыбалась и стала торопить к столу.

Войдя, Арсений быстро снял свой плащ и ботинки, положил кепи на подоконник и уже хотел пойти в залу, но Фёдор Фёдорович, в это время медленно расстёгивающий своё тяжёлое пальто, сказал ему:

– Не болен ли ты? – его голос звучал очень серьёзно, хотя настроение таковым не было.

– Абсолютно здоров! – весело ответил Арсений и остановился, чтобы всё-таки подождать отца и уже вместе с ним пойти к столу.

Белла Алексеевна приготовила чудный ужин, состоявший из нескольких блюд и облепихового напитка. Больше всего в этом занятии её мотивировал образ хозяйки, в который она вошла и который в этот день представлял для неё идеал женского существования. Но сын и отец знали, что скоро (завтра или послезавтра) это закончится, и она займётся какими-то другими, посторонними делами.

Когда Арсений и Фёдор Фёдорович в большой гостиной сели за стол, обставленный празднично, но практично, тёплой еды на нём ещё не было. К ним из кухни вышла Белла Алексеевна и сказала с тревожной радостью в голосе:

– Скоро всё принесу! Надеюсь, вы голодны. И, кстати, как вам моя хозяйская шапочка? – и она, закружившись, ушла на кухню за первым блюдом. В этот день она чувствовала себя особо молодой, похорошевшей, и часто любовалась на себя и на свой наряд в зеркало.

– Как бы давление шапки на голову не повлияло на умственные способности, – проговорил отец сыну задорным, но любящим тоном.

– Женское тщеславие бывает иногда странным, особенно если смотреть на него с точки зрения женщин, – сказал Семён, чтобы начать какой-нибудь разговор и окончательно оставить свои недавние мысли. Они уже почти не мучали его, но неприятный осадок, будто послекусие после еды, оставался в нём.

– Не понимаю я твоих философствований, Арсений. Здесь же и так всё очевидно, ведь все мы стремимся только к одному – нравиться.

– Нет, папаша, это не философия, это часть психологической рациональности, – он резко остановился после этого произнесённого слова, и по его телу быстро пробежала холодная дрожь.

– Продолжай, продолжай, – сказал Фёдор Фёдорович, заметивший остановку сына, но не понявший её причины.

– Женщины – у них много иллюзий, – очнулся Арсений и продолжил говорить. – Они появляются почти с самого начала их жизни, с самого нежного возраста, но потом, по мере угасания их красоты, так же пропадают, оставляя, если женщина не приобрела чего-то в жизни, кроме красоты, большое и пустое пространство в их душе. Поэтому и тщеславие должно уходить по мере становления порядочной личности. Я таковой и нашу маму считаю и от этого не понимаю, для чего ей спрашивать наше мнение о её бессмысленном головном уборе.

– Да при чём здесь вообще порядочная личность? – с неожиданным негодованием в голосе проговорил Фёдор Фёдорович, теребя левой рукой край салфетки. – Ты какое-то деспотичное мнение на этот счёт составил; а про головной убор она, может быть, просто шутила, здесь и понимать нечего. Я на этот вопрос и шуткой ответил. И разве не со всеми людьми так происходит, неужели только с женщинами?

В этот момент вошла Белла Алексеевна, уже без фартука и шапочки, одетая в домашнее платье. Она несла в руках большой и тяжёлый закрытый поднос, но тяжести будто вовсе не чувствовала, и, аккуратно поставив его на стол, сказала:

– Ну, ну же... Что же вы тут про нас говорите? – она использовала «нас» всегда, когда говорила о женщинах, чувствуя, что это объединяет её с остальным женщинами всего мира.

– Ничего мы про «вас» не говорили, моя дорогая, – ответил Фёдор Фёдорович, ласково обращаясь к жене. Когда у него было хорошее настроение, он называл её либо Беллочка, либо, как и сейчас, «моя дорогая». – Лишь упомянули в некоторых рассуждениях.

– Ну ладно, ладно. И да – сегодня каждый берёт сам, сколько ему надо: самообслуживание, – последнее слово она проговорила, растягивая буквы, на что её муж, также шутя, ответил:

– Неужели кончились хозяйкины идеалы?

– Не надо, Феденька. Ты всегда был человеком, обладающим изрядной начитанностью и чувством юмора младенца, – она улыбнулась тонкой улыбкой и стала накладывать себе тушёные овощи.

– Ладно, ладно; берём всё сами, спорить не будем, – удивился Фёдор Фёдорович на остроуту жены, но противоречить не стал.

– Арсений, где же ты был сегодня? И куда так спешил, когда я пришла? Что же случилось с профессором? – начала расспрашивать Белла Алексеевна своего сына.

– Не поверите, но я получил наследство! – с тяжестью в голосе проговорил Арсений. – Профессор умер недавно и оставил своё имущество. Оно всё распределено между почти случайными людьми, которых он знал лишь по преподаванию. Я был также в этом списке и получил право на публикацию его книги под моим именем. Авторские права на неё, можно сказать. Там в письме так и было написано: «прошу публиковать не под моим именем – посмертная известность мне не к чему». Это всё происходило у нотариуса, фамилия у него Энгельгардт, я хорошо запомнил. Всё было зачитано, и вот теперь это дело ждёт моих дальнейших распоряжений.

– Ну это же прекрасно! – воскликнула Белла Алексеевна.

– Но почему ты тогда так грустен и рассеян? – спросил Арсения отец уже в серьёзном, даже в каком-то деловом тоне.

– Сложно, однако, вам все сразу объяснить.

– Ну, попробуй, попробуй, ты всегда умел!

– Видите ли, всё как-то за этот день у меня смешалось. Сегодня утром я встретил довольно странного человека, который и рассказал мне новость о профессоре. Я удивился, для чего мне это он рассказывает и почему просто не мог позвонить или написать. Он объяснил это странными для меня и нерациональными для любого современного человека принципами, – в этот раз Арсений не запнулся на слове. – Я ощутил сразу неприятное чувство во мне после этой встречи. Описать это чувство сложно, но оно точно было неприятным. И всё я не мог понять, при чём здесь именно я и зачем он, этот Пешкинский (такая у него фамилия), ко мне пришёл, узнав мой адрес и имя. В странных сомнениях я вернулся домой, но через некоторое время эти сомнения успокоились и забылись. И вдруг, когда я читал, я получил сообщение от нотариуса, которое означало, что я имею всё-таки какое-то отношение к этому делу и что я должен прийти по указанному в сообщении адресу. Именно после этого я встретил тебя, мама.

Далее я пришёл к этому нотариусу и встретил у него много разных людей не самого приятного современного типа. Вы только сами подумайте! Как специально их собрали: настоящий программист в больших очках; молодой студентик, бегущий за модой; подозрительный маргинал в оборванных одеждах; ещё один неестественный человек светского тона; и ко всей этой компании ещё и странный Пешкинский. И вот все эти типажи получают случайное наследство: кто дачу, кто квартиру, ещё что-нибудь, и, естественно, этому рады. Я бы очень не хотел что-либо получать от покойного, которого почти не знал, да и вообще присутствовать на всём этом собрании. Но увы! На мне, пожалуй, самое ответственное для меня дело – публикация книги. И вот здесь, можно сказать, нравственная задача – самому публиковать или под именем профессора? Но это пока оставим, это ничего. Главное – чувство, которое осталось после этих событий. Нельзя прикасаться к пеплу – зола остаётся на пальцах; и здесь так же, я будто дотронулся до чего-то несправедливого, до чего-то неприятно загадочного. И вот мучаюсь от этого, не понимая, что же там такого плохого. И не понимаю также – это я уже совсем от мира необычного отвык и не воспринимаю каких-либо необычных событий или действительно что-то в этом такое есть?

Пока Арсений всё это говорил, он почувствовал страшный голод и поэтому, когда он посчитал, что ответил на вопрос родителей – а отвечал он с радостью, так как хотел всё рассказать, – начал есть свой ужин.

– Ну, не знаю. Нельзя всегда быть таким рассудительным. Мне кажется, твои мысли ничем не оправданы и зря ты переживаешь, – как бы успокаивая сына, проговорила Белла Алексеевна.

– Я тоже думаю так, – поддержал жену Фёдор Фёдорович. – Если у профессора не было никаких родственников, почему же ему просто не распределить своё наследство между определёнными людьми, тем более если эти люди его студенты. Ты, Арсений, зря мучаешься, нет здесь никакой несправедливости.

– Ладно, пока оставим, – проговорил Арсений, не желавший более в этот вечер об этом рассуждать. После чего, чтобы переменить тему, Белла Алексеевна объявила о приезде старшего сына и поведала весь свой остальной план. И вечер прошёл в обсуждении этого плана и самого приезда Георгия Сатукеева.

Часть вторая. Дачные приключения

I

Белоснежные самолёты ревели своими мощными турбинами и, приземляясь или взлетая, разрезали холодный петербургский воздух могучими крыльями. Человек чуть больше тридцати лет возрастом, только что прибывший в Петербург, быстро шёл по серым плитам аэропорта, везя за собой большой, бежевого цвета, чемодан. Человек этот был высокого роста, худощав, одет в шерстяной синий свитер, под которым виднелся воротник рубашки; и, видимо, надевая такой наряд, он совсем не рассчитывал на холодную петербургскую погоду. Этого человека звали Георгий Сатукеев, но почти все обращались к нему по имени и отчеству. В этот день он вернулся из Швейцарии в Россию и намеревался пробыть здесь примерно месяц, о чём и сообщил матери около недели назад.

Георгий Фёдорович, приходясь братом Арсению, внешне совсем не был на него похож. Он имел глаза другого цвета, более вздёрнутый нос и тонкие губы нормандского типа, на его лбу уже появлялись длинные горизонтальные морщины, какие бывают у людей, много работающих и думающих, а также у тех, кто много времени проводит на солнце. В целом лицо его было очень открытым и почти всегда ярко выражало эмоции, царившие у него в душе: когда он был согласен с собеседником и, соответственно, доволен, то он ясно, но аккуратно кивал, взгляд его становился кротким, губы незаметно кривились в улыбке и всё его лицо сияло добротой. Если он не был согласен с тем, что говорили, то все черты его искажались в недовольных порывах, появлялись более заметные морщины, надувались щеки, а глаза наполнялись негодованием. Это нередко мешало ему в его работе, особенно когда нужно было слукавить или согласиться с тем, с чем он согласен не был. Он старался следить за этими изменениями, но это получалось не всегда, и поэтому, когда нужно было установить отношения с каким-нибудь не самым приятным политиком или дипломатом, его на дела не отправляли.

В отпуске потребность эта пропадала, и он мог абсолютно спокойно выражать миру свои чувства через движения своего лица. Сейчас он был удивлён: его брови поднялись, а серые глаза оглядывали всё подряд; но это выражение вовсе не придавало ему глупый вид – напротив, создавало облик человека наблюдающего и познающего. Удивление его, на самом деле, было странным, так как летал он много и обычно мало на что обращал внимание, но почему-то именно сейчас аэропорт и вся эта система заставили его, идя, смотреть так, будто всё это он видел впервые. «Каким надо быть гением, чтобы всё это придумать, спроектировать и собрать», – промелькнуло наконец у него в мыслях, и он вспомнил, что в юности он увлекался инженерией и даже хотел получить соответствующую профессию, но определённые события развернули его судьбу совсем в иную сторону. Он, окончив университет международных отношений, стал продвигаться по карьерной лестнице дипломата. И сейчас дипломатический ранг он имел относительно высокий, выполнял достаточно важные миссии в разных странах, знал четыре языка, жил за рубежом и лишь четыре раза в год приезжал в Россию навестить семью.

Обычно он ездил с водителем, но так как в России он бывал нечасто и приезжал сюда только для отдыха, то услуги этой не было, и он вызвал такси. И вот уже через несколько минут, погрузив свой большой чемодан в багажник автомобиля, он катил по широкому шоссе к дому своих родителей.

Когда начался Московский проспект и его здания в стиле неоклассицизма и сталинского ампира, водитель неожиданно спросил Георгия Фёдоровича:

– А вы откуда прибыли?

Услышав вопрос, Георгий Фёдорович оторвал свой взгляд от окна и посмотрел на табличку, на которой было написано имя водителя: Марат Соломонович. В вопросе этого Марата Соломоновича был слышен какой-то странный восточный акцент, который, казалось, был акцентом человека, на самом деле его не имеющего, но для чего-то искажающего слова неправильным произношением.

– Из Швейцарии, – ответил спокойно Георгий Фёдорович, сидевший на заднем сидении.

– Ну и что же там в Швейцарии? Сильно отличается от нашего?

– Весьма и весьма сильно; можно даже сказать, совершенно всё по-другому: и люди, и дома, и нравы, – отвечал Георгий Фёдорович водителю с добротой и учтивостью; в голосе его звучали уважение и интерес, но в мыслях промелькнула странная насмешка из-за произнесённого слова «нашего».

– И где же вам больше нравится?

– Нигде! – с какой-то театральностью ответил пассажир. – Но вот парадокс: нигде не нравится, но везде хорошо: я странник, не ищущий приюта; я птица, летящая высоко и нейтрально смотрящая на всё происходящее и окружающее, – и Георгий Фёдорович начал улыбаться от того, что осознал, что собеседник вряд ли его поймёт.

– Вот как! А чем же вы таким занимаетесь, что позволяете себе летать настолько высоко?

Георгий Фёдорович очень удивился этому вопросу, почему-то желание не продолжать беседу охватило его, и он сухо ответил:

– Я дипломат.

– Интересна ли такая профессия? – спросил Марат Соломонович, явно не заметивший перемен в своём пассажире.

– Сравнить с чем-либо сложно; но эта, пожалуй, явно интереснее, чем развозить на автомобиле разнообразных граждан, – после этих саркастических слов Георгия Фёдоровича водитель наконец понял царившее в салоне недовольство и умолк.

В тишине они доехали до Гороховой улицы; лишь в какой-то момент Марат Соломонович включил радио, но тут же выключил, так как Георгий Фёдорович сразу сообщил, что у него болит голова от перелёта.

Он удивлялся потом этой перемене, которая произошла с ним во время разговора с этим мужчиной. Ведь он сам себя считал человеком спокойным, не порывистым, имеющим с кем-либо в общении всегда благоприятный и размеренный, располагающий к себе тон. Но в эту поездку недовольство всем миром, а в особенности бедным Маратом Соломоновичем, охватило его, и лишь когда он уже шёл по знакомому ему двору, это состояние прошло.

Дома была одна Белла Алексеевна, и она с радостью встретила сына, предупредив, чтобы он не печалился, что скоро придут и все остальные. Сама она пребывала сейчас в таком настроении, которое бывает у людей чего-то давно ожидавших и наконец это получивших, и которые от этого-то очень боятся испортить всё происходящее.

Белла Алексеевна повела Георгия Фёдоровича в его комнату, хотя он и так знал, где она находится, так как прожил в ней больше двадцати лет.

– Ну, какие же там новости в мире? – спросила у него Белла Алексеевна, идя впереди; ей не терпелось узнать всё, что происходило с Георгием Фёдоровичем за период, пока они не виделись.

– Погоди, мама, погоди. Дай хотя бы вещи оставлю; всё тебе расскажу, что хочешь. Ведь виделись не так уж и давно, – он катил за собой чемодан, и от этого голос его звучал очень измученно, и поэтому Белла Алексеевна перепугалась, что она утомляет сына своими вопросами, но всё равно через полминуты ответила ему, так как не смогла удержать в себе это желание:

– Как же не так давно! Уже полгода прошло! Ты ведь давно не приезжал. Хорошо, что в этот раз хоть подольше...

Придя в комнату, Белла Алексеевна рассказала сыну о некоторых изменениях в ней, после чего удалилась, перед этим попросив Георгия, чтобы он скоро приходил в залу-гостиную, чтобы попить чаю. Оставшись в одиночестве, Георгий Фёдорович начал кружить по комнате взглядом – воспоминания и ностальгия влетели в его мысли; печаль выразилась на его лице. Так прошло около четырёх минут; когда воспоминания закончили его одолевать, он вернулся в реальность и подошёл к чемодану, чтобы разложить вещи по шкафам и комодам.

Через четверть часа он, переодевшись в домашний бархатный костюм, приобретённый им когда-то в Словении, вышел в гостиную, где ещё никого не было, и сел на своё любимое с детства место, взяв с полки томик сочинений Ницше. Но не прошло и пяти минут, как в комнату мирно зашла Белла Алексеевна и сразу предложила чай. Решили пить всё-таки не в зале, а на кухне.

Приготовив всё, достав сухофрукты и орехи, Белла Алексеевна села поближе к сыну, поставив перед ним большую чашку и молоко.

– Ты не бойся, скоро более основательно пообедаем. Это пока так – для разговора, – проговорила Белла Алексеевна, улыбаясь и наливая сыну чай.

– Да ничего страшного, я не голоден почти. Ну и раз для разговора – так давай говорить, – ответил Георгий Фёдорович, чтобы начать беседу; на лице его выражались тихая радость и спокойствие.

– Столько вопросов у меня, столько хочется узнать! Дай я на тебя хотя бы немного погляжу, – и Белла Алексеевна стала с умилением вглядываться в лицо сына. – Даже не верится, – почти шёпотом проговорила она, – что мой маленький мальчик вырос в такого мужчину, оторвавшегося от своего дома, путешествующего по всему миру...

– Ну, всё, всё, достаточно! Я хоть и человек публичный, привык, что на меня все смотрят, но всё равно таких моментов не люблю. Ты лучше потом как-нибудь незаметно меня рассматривай, – ответил с каким-то смущением на слова матери и на её взгляд Георгий Фёдорович, после чего взял чашку и начал шумно пить чай.

– Ладно, ладно, но ты просто не представляешь, какие это радостные моменты для матери. Ну, тогда рассказывай, какие у тебя успехи в твоей профессии, какие планы на период пребывания здесь?

И только Георгий Фёдорович поставил чашку на стол, чтобы начать рассказывать, как в дверь кто-то позвонил.

II

Георгий Фёдорович отправился открывать дверь с некоторым удивлением, так как перед этим Белла Алексеевна сказала, что это точно не может быть Арсений, а тем более Фёдор Фёдорович. И действительно, спросив: «Кто там?», Георгий Фёдорович получил ответ, что за дверью стоит Дмитрий Морозянкин, который уточнил, что также он является и знакомым Арсения.

– Добрый день, – проговорил он, когда Георгий Фёдорович открыл дверь. – Я пришёл передать письмо от Демьяна Пешкинского к Арсению Сатукееву, – его голос звучал очень взволнованным, а плечи то опускались, то поднимались, будто бы он долго бежал до этой двери.

– Пожалуйста, пожалуйста, – тоже заволновался Георгий Фёдорович, – вы можете мне доверить это письмо. Я брат Арсения. Когда он вернётся, я ему обязательно передам.

– О, отлично! Меня Дмитрий Морозянкин зовут, будем знакомы, – повторил он своё имя и протянул руку Георгию Фёдоровичу.

– Постойте; у вас здесь, в России, разве здороваются через порог? – спросил тот удивлённо.

– Точно не могу сказать, кажется, нет. А вы, что ли, не из России? – Морозянкину странной показалась реакция Георгия Фёдоровича, и он, уже успокоившись к этому моменту, пожелал завести беседу.

– Я...? Можно и так сказать. И я вам, кажется, не представился... Георгий Фёдорович, да, да, именно так вы можете меня называть, – после этих слов он почему-то сконфузился.

– Будем знакомы. Вы, если что, не обращайтесь на мои лохмотья (он был одет так же, как и при встрече у нотариуса), скоро всё это пройдёт, на самом деле я человек совсем другой, просто на новую одежду скуп. Вы, кстати, совсем не похожи на своего брата... – он хотел ещё что-то сказать, но в этот момент в прихожую вошла Белла Алексеевна.

– Георгий, не хочешь ли предложить гостю выпить с нами чаю? – проговорила она с шуточным укором своему сыну, как бы приглашая нежданного гостя зайти. Её гостеприимство, надо сказать, было весьма неоправданным, ведь самого гостя она ещё не видела, но после её слов Морозянкин сделал шаг вперёд и предстал у неё перед глазами.

– Боже! – воскликнула она невольно, но было уже поздно. – Проходите, проходите же скорей, – и она начала всех торопить, чтобы скрыть своё неприятное удивление.

– Да, да, раздевайтесь, Дмитрий, – подхватил Георгий Фёдорович. – Вот сюда можно повесить вашу, ваше... – он замялся, думая, как бы назвать верхнюю одежду Морозянкина, – ...ваш плащ, – наконец проговорил он и открыл дверцу шкафа.

– Большое спасибо! Премного благодарен! И не беспокойтесь, я совсем ненадолго, – решил предупредить Морозянкин, заметив, что хозяева чем-то смущены, – а от чая не откажусь и очень рад буду пообщаться, но вас не задержу, не задержу, мне ведь надо тоже быстро уходить потом, – проговорил он и неловко повесил свой плащ в шкаф.

Все трое отправились на кухню.

– Ну, вот, пожалуйста, присаживайтесь, как вас зовут? – спросила Белла Алексеевна Морозянкина, как только все подошли к столу.

– Дмитрий Владимирович Морозянкин, – и он стал шумно отодвигать один из стульев, после чего тяжело сел на него. Все трое замолчали; Белла Алексеевна стала заваривать чай. Георгий Фёдорович начал разглядывать нежданного гостя: Морозянкин сидел как-то сгорбившись, его болезненно тощее тело выглядело очень измученным и в сочетании с изнеможённым, чисто выбритым лицом и короткими, но растрёпанными волосами создавало облик человека, который долго трудился на тяжёлой работе. Он не замечал взгляда Георгия Фёдоровича и сидел, смотря в одну точку. Наконец Белла Алексеевна спросила:

– Дмитрий, какой вы будете чай? – она, однако, поняла, что, пригласив такого странного человека в гости, она начала приводить свой план в действие.

– Какой дадите... Точнее, лучше чёрный, и, если можно, добавьте туда молоко, – неуверенный голос Морозянкина порождал невольное сострадание, и после этих слов Георгий Фёдорович всё-таки перестал сверлить его взглядом. Как ни странно, в этот раз Морозянкин говорил намного неувереннее, чем тогда, когда все были собраны у нотариуса для чтения письма профессора.

– Вы там сказали, что вы не совсем из России. Откуда же вы? – спросил Морозянкин Георгия Фёдоровича.

– Аа-а, я...? Я, на самом деле, дипломат; путешествую часто по миру, а если не путешествую, то живу за границей.

– Какие же у вас там нравы? Интересно, ведь здесь все весьма субъективное представление имеют насчёт того, что происходит там, – в этот момент Белла Алексеевна поставила перед Морозянкиным чай и села рядом слушать разговор молодых людей.

– Гхм, – смутился Георгий Фёдорович, – вы вот так сразу такой диалог хотите начать, я даже и не...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.